

В восемь часов утра Е Чжицю отложил столовые приборы, слегка повернул голову и посмотрел в окно. Сегодня был пасмурный день. Дул сильный ветер, небо было серым, свинцовые тучи надвигались издалека.

Это невольно напомнило ему о детстве, когда в плохую погоду он особенно любил сидеть в своей комнате. Потому что такая погода, проведенная в комнате или под одеялом, всегда вызывала у него необъяснимое чувство безопасности и тепла. Е Чжицю любил это чувство.

Вот только это было в детстве. А сейчас он вырос. Даже если ему все еще нравилось это чувство, когда нужно было выйти под дождь и ветер, он все равно должен был это сделать.

- Сегодня, — Е Чжицю отвёл взгляд от окна и с улыбкой посмотрел на Цинь Цзяньхэ. — Мне пора возвращаться в семью Е.

Он сказал «семья Е», а не «домой». Слово он не был частью семьи Е.

Услышав это, Цинь Цзяньхэ замер, перестав есть.

— Угу, — сказал он. — Не забудь взять зонт, когда будешь выходить.

— Хорошо, — с улыбкой ответил Е Чжицю. — Мой чемодан здесь. Через пару дней переезд, я пока не буду его забирать.

— Угу, — Цинь Цзяньхэ поднял на него глаза. — Когда планируешь переезжать? Я могу прислать людей помочь.

Е Чжицю промолчал, лишь посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Хорошо, понял, — невольно рассмеялся Цинь Цзяньхэ, встретившись с его взглядом.

В глазах Е Чжицю тоже мелькнула улыбка.

— Послезавтра, — сказал он. — Послезавтра выходные.

Цинь Цзяньхэ встал и погладил Е Чжицю по мягким волосам:

— Вырос, стал самостоятельным.

— Рад? — Е Чжицю поднял глаза, лукаво поддразнивая его. — Папа?

Это слово словно нажало на какую-то неведомую кнопку, и глаза Цинь Цзяньхэ мгновенно потемнели.

Е Чжицю со смехом отстранился и напомнил:

— Утреннее совещание.

За завтраком Чжоу Тунсинь звонил Цинь Цзяньхэ и сообщал о сегодняшнем расписании. Е Чжицю всё прекрасно слышал. У мужчины сегодня утром должно было быть совещание.

Услышав это, Цинь Цзяньхэ мгновенно сжал губы, линия подбородка стала острой, выдавая невысказанную сдержанность. Спустя мгновение он всё же схватил Е Чжицю за запястье, притянул к себе и, немного повозившись, отпустил.

Перед выходом Цинь Цзяньхэ снова коснулся волос Е Чжицю.

— Если что-то понадобится, — сказал он, — приходи ко мне.

Е Чжицю не стал спрашивать, что тот имел в виду под «что-то», а просто послушно кивнул.

После того как Цинь Цзяньхэ ушёл, Е Чжицю снова открыл чемодан и достал подарки для Цзинь Баобао, Ли Шаоцзюня и Тан Лэ, положив их в свой рюкзак. Затем он опустил глаза на кроссовки лимитированной серии, которые ему подарил Цинь Цзяньхэ. Достав их из коробки, Е Чжицю долго смотрел на них, а потом снова убрал.

Было ещё рано, и он сначала пошёл в кабинет Цинь Цзяньхэ. Найдя бумагу и ручку, Е Чжицю сел за стол.

Время, проведённое за границей, вдали от людей и дел в стране, было, пожалуй, самым спокойным периодом в жизни Е Чжицю с момента его перерождения. Но в то же время он давно не занимался тщательным анализом. Вернувшись, Е Чжицю подсознательно вернулся к этой привычке.

По сравнению с тем временем, когда он только приехал, ситуация сейчас была довольно стабильной. Этого он добился, день и ночь строя планы. Хотя до цели было ещё далеко, но на данный момент это можно было считать довольно хорошим результатом. Е Чжицю не хотел, чтобы всё рухнуло из-за минутной невнимательности или ошибки.

Размышляя, он, как обычно, медленно водил ручкой по бумаге.

На самом деле, эти несколько дней, проведённые в доме Цинь Цзяньхэ, позволили ему испытать редкое чувство комфорта и удовольствия. Проще говоря, это было то, что называют

счастьем.

Это его немного удивило. Потому что всё это время он думал, что, возможно, давно потерял способность чувствовать себя счастливым.

Е Чжицю на мгновение замер, держа ручку, перестал думать об этом давно забытом чувстве и продолжил писать.

Когда лист был почти заполнен, он снова внимательно перечитал всё сверху донизу. Убедившись, что всё в порядке, Е Чжицю отложил ручку, повернулся и бросил лист в шредер позади себя. Исписанный лист быстро исчез, превратившись в пыль.

И почти в тот же момент по стеклу окна раздался тихий стук — начали падать крупные, как горошины, капли дождя.

Телефон на столе мигал. Е Чжицю взял его и как раз увидел сообщение от Цинь Цзяньхэ.

ЦИНЬ: "Пошёл дождь."

ЦИНЬ: "Ты уже вышел?"

Е Чжицю ответил.

Один лист знает осень: "Скоро."

ЦИНЬ: "Зонт на столе, не забудь."

Е Чжицю начал набирать ответ, но, помолчав, стёр его.

Он больше не стал отвечать Цинь Цзяньхэ, а зашёл в групповой чат. Цзинь Баобао уже с девяти утра носился по чату, Тан Лэ изредка ему поддакивал, а вот Ли Шаоцзюнь сегодня был на занятиях и всё это время молчал.

Е Чжицю спустился вниз и сразу увидел чёрный зонт, лежащий на краю стола. Складной, он не займёт много места в рюкзаке.

Он взял зонт, оставил ключ-карту для Цинь Цзяньхэ на тумбочке в прихожей и, открыв дверь, вышел.

Дверь захлопнулась, словно закрылась тихая гавань, и Е Чжицю снова вышел под дождь и ветер.

Когда он подошёл к воротам жилого комплекса, подъехала заказанная машина.

Е Чжицю сложил зонт и сел в машину, назвав адрес ресторана.

В чате стало оживлённее. Цзинь Баобао был самым быстрым и уже добрался до ресторана, Ли Шаоцзюнь и Тан Лэ тоже были на пути. Е Чжицю написал в чат сообщение, сообщив им о своём местоположении. Как только он появился, Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюнь тут же начали требовать подарки. Е Чжицю рассмеялся и больше не отвечал.

В столице в дождь всегда пробки. Машина то и дело останавливалась, и, наконец, добралась до входа в ресторан. Е Чжицю посмотрел на часы — было почти двенадцать. Дорога, которая обычно занимала двадцать с небольшим минут, на этот раз заняла почти час.

Он поднялся наверх и вошёл в кабинку, где уже сидели остальные трое.

Увидев Е Чжицю, Цзинь Баобао тут же бросился к нему и обнял, Ли Шаоцзюнь тоже подошёл и обнял их обоих.

— Подарок, — сказал он.

— И мой, — сказал Цзинь Баобао.

По сравнению с энтузиазмом этих двоих, Тан Лэ был гораздо более сдержанным. Он словно немного стеснялся и просто сидел на месте, с улыбкой наблюдая за ними.

— Всем хватит, мои дорогие, — Е Чжицю не мог перестать смеяться из-за выходок этих двоих, его глаза превратились в полумесяцы. — Но для начала вам нужно меня отпустить.

Если не считать прошлой жизни, а только то время, что они знали друг друга с детства, Е Чжицю, Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюнь действительно редко разлучались надолго. Даже если кто-то из них уезжал с семьей в путешествие, то обычно возвращался через неделю.

Когда все расселись, Е Чжицю открыл свой рюкзак и, доставая вещи, спросил:

— О чём вы только что говорили? Я слышал вас ещё издалека.

— Ты ещё не видел? — сказал Цзинь Баобао. — Гао Вэнь только что сделал заявление и объявил о создании своей новой компании.

— И представил нескольких молодых актёров, — добавил Ли Шаоцзюнь.

— О? — Е Чжицю замер, с улыбкой подняв глаза.

— Е Чжися там...? — с любопытством спросил Цзинь Баобао.

Е Чжицю покачал головой:

— После того, как он в прошлый раз на меня накричал, мы толком не разговаривали. - Он усмехнулся: — Думаю, даже если что-то и будет, он мне об этом не скажет.

Продолжая говорить, он доставал подарки.

Первым был подарок для Цзинь Баобао. Помимо различных модных безделушек с зарубежных показов, там был ещё и электрический массажёр для ног. Цзинь Баобао занимался танцами и часто жаловался на боль в ногах.

Затем подарок для Ли Шаоцзюня.

— Игровую приставку взять было неудобно, куплю тебе её в следующий раз, когда в Китае появится что-нибудь интересное, — с улыбкой сказал Е Чжицю. — Я помню, что в прошлый раз ты не смог купить эти духи, а я как раз увидел их в Лондоне, в фирменном магазине, оставался последний флакон.

Ли Шаоцзюнь на самом деле не так уж сильно хотел игровую приставку. Сейчас различные онлайн-игры и мобильные игры гораздо удобнее в использовании, чем приставка. Он сказал, что хочет её, просто чтобы подыграть Цзинь Баобао и создать атмосферу. Поэтому, увидев сейчас этот флакон духов, был приятно удивлён.

Ли Шаоцзюнь осторожно взял флакон в руки, и на его красивом лице наконец появилась радостная улыбка. Е Чжицю знал, что не ошибся с подарком.

Ничто не могло сделать его счастливее, чем видеть Ли Шаоцзюня и Цзинь Баобао счастливыми. Улыбка в глазах Е Чжицю стала ещё ярче.

Он опустил глаза и снова залез в рюкзак, чтобы достать подарок для Тан Лэ. Это тоже были духи.

В отличие от слегка прохладного аромата духов Ли Шаоцзюня, эти были особенно тёплыми.

— Они тебе подойдут, — с улыбкой Е Чжицю протянул их Тан Лэ. — Леле обычно слишком сдержанный, а этот аромат очень расслабляющий, он как раз компенсирует этот твой недостаток.

Тан Лэ: ...

Больше всего он ненавидел, когда его поучали, но почему-то сейчас Е Чжицю, казалось, особенно любил это делать.

У него и так было плохое настроение, а сейчас он чувствовал ещё большее отвращение.

— Спасибо, Сяо Цю, — сохраняя спокойное выражение лица, Тан Лэ с улыбкой взял духи.

— Я ещё купил старшему Линь Сюэхуа набор профессиональных инструментов для дизайна одежды, — Е Чжицю поставил рюкзак и с улыбкой сказал: — Но он в металлическом чемодане, довольно тяжёлый, я принесу его на следующей неделе, когда пойду в университет. Уверен, ему понравится.

Тан Лэ поджал губы, его пальцы, сжимавшие флакон духов, невольно напряглись.

В последнее время он чувствовал себя очень плохо, практически не спал, под глазами были тёмные круги. Более того, из-за того, что история с испорченной выпускной работой Линь Сюэхуа стала достоянием общественности, все стали его сторониться, как чумного. Даже те однокурсники, с которыми он раньше хорошо общался, стали относиться к нему прохладно. Это чувство изоляции от мира, непонимания со стороны окружающих, было невероятно мучительным. Он понимал, что в этой истории Линь Сюэхуа точно замешан.

Набор инструментов, о котором говорил Е Чжицю, был очень известен в мире дизайна одежды. Поскольку этот круг был довольно узким, а дешёвых аналогов было много, в Китае его официально не продавали. Некоторые студенты в университете пользовались им, но в основном покупали через посредников. На оригинальный набор стоимостью более двух тысяч евро из-за большого веса приходилось платить огромную сумму за доставку и таможенные пошлины, так что конечная цена почти удваивалась.

Честно говоря, после всего, что произошло, он не хотел больше ничего дарить Линь Сюэхуа. Но в то же время он понимал, что не может этого сказать.

Хотя Е Чжицю, Ли Шаоцзюнь и Цзинь Баобао не обвиняли его, потому что он «не сделал это специально»... Это не означало, что им не было жаль Линь Сюэхуа.

Поэтому, как бы он ни сопротивлялся, под улыбающимся взглядом Е Чжицю он всё же кивнул.

Вскоре принесли еду. Хотя Е Чжицю не заказывал, на столе были все его любимые блюда.

Вероятно, учитывая, что зарубежная еда довольно пресная и безвкусная, Ли Шаоцзюнь специально выбрал ресторан сычуаньской кухни. Острые и ароматные блюда были невероятно аппетитными.

Как только еду поставили на стол, Цзинь Баобао и Ли Шаоцзюнь начали наполнять тарелку Е Чжицю. Юноша хотел было воспользоваться моментом и посмотреть объявление компании Гао Вэнье, но, увидев это, отложил телефон и взял палочки для еды.

— Я вам скажу... — его губы блестели от масла, а глаза превратились в полумесяцы. — Я сегодня утром ещё ел рыбу с маринованным перцем чили. Если вы будете продолжать меня так кормить, у меня будет изжога.

— Почему ты раньше не сказал? — произнёс Ли Шаоцзюнь, кладя в его тарелку большой кусок рубца.

— Даже если небо упадёт, сначала поедим, — Цзинь Баобао тоже не останавливался, положив перед ним лягушачьи лапки.

Е Чжицю съел всё, что было в его тарелке, а потом, словно вспомнив что-то, поднял глаза: — Леле же просил помочь посмотреть квартиры? Какие ты смотрел?

Услышав это, Тан Лэ тоже поднял глаза от тарелки.

— После еды я вам покажу, — сказал он.

Он выглядел вялым и подавленным.

Е Чжицю встретился с ним взглядом и слегка улыбнулся.

Что же ждёт Тан Лэ дальше?

<http://bllate.org/book/14243/1258126>